

ПУ СУН-ЛИН

РАССКАЗЫ
ЛЯО ЧЖАЯ
О ЧУДЕСАХ

В переводах с китайского
академика

В. М. АЛЕКСЕЕВА

Иллюстрации
китайских художников

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1973

И(Кит)
П88

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ АЛЕКСЕЕВ
И ЕГО ЛЯО ЧЖАЙ

Предисловия к сборникам и комментарий
В. М. АЛЕКСЕЕВА

*Составление, подготовка текста
и вступительная статья*
Л. З. ЭЙДЛИНА

Оформление художника
А. Н. ЗЕФИРОВА

7—3—4
196—73

Василий Михайлович Алексеев родился 2(14) января 1881 года. Он умер 12 мая 1951 года, не успев опубликовать многие свои исследования и переводы, над которыми трудился до последних дней жизни. Уже после смерти В. М. Алексеева вышли три замечательные его книги — «В старом Китае», «Китайская классическая проза», «Китайская народная картина».

Начало научной деятельности В. М. Алексеева пришлось на пору, когда в русском востоковедении творили выдающиеся таланты. Учителями, старшими товарищами, сверстниками В. М. Алексеева были С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Щербатской, И. Ю. Крачковский. Все они были удивительны по одаренности, образованности, по индивидуальным, присущим каждому из них прекрасным человеческим качествам. Они были великими востоковедами, учеными и организаторами науки, но именно В. М. Алексеев обладал самой большой из отличающей всех их широтой литературных интересов, самой тонкой артистичностью, которой мы обязаны его сохранившими и теперь неувядаемую свежесть переводами китайской классики.

И единственный среди них, В. М. Алексеев ни в какой мере не наследовал свою интеллигентность. Он рос в семье заводского писаря и работницы, где книга едва ли была частым гостем. «Я родился и жил, — пишет он, — среди людей, имевших право на труд только тогда, когда кто-то свыше давал им «место», и не имевших никакого права на образование, тем более — на культурную жизнь». По счастью, «свыше» было предоставлено В. М. Алексееву место на казенный счет в Кронштадтской гимназии, после которой он в 1902 году окончил факультет восточных языков Петербургского университета. Редкая талантливость и целеустремленное трудолюбие В. М. Алексеева заставили обратить на него внимание выдающихся русских профессоров В. П. Васильева и А. О. Ивановского, а впоследствии и крупнейшего французского

сиолога Э. Шаванна, в четырехмесячной археологической экспедиции которого в Северный Китай молодой ученый принял участие в 1907 году.

Он вел путевой дневник, опубликованный через полвека и открывший для нас многое в последующих трудах ученого. Дневник дорог нам бессомненной документальностью. Он писался для себя. В нем отразились душевные заботы двадцатишестилетнего В. М. Алексеева, взгляд его на мир. Перед нами молодой человек начала века, думающий о судьбе своего народа и старающийся понять жизнь народа, изучаемого им. В этом, собственно, и первое столкновение его с Шаванном, погрузившимся в археологию, в то время как спутнику его нужен «нынешний живой Китай», который «говорит о себе со своих стен, дверей, косяков, потолков, лодок...».

Он знакомится с людьми, вникает в условия их тяжкого существования и уже навсегда отказывается отелять науку от жизни. В Вэйсяне, уездном городе по дороге из Цзинани в Циндао, они с Шаванном осматривают в одном богатом доме коллекцию древних вещей. Какие еще чувства, кроме восхищения, способна вызвать у иностранца, путешественника, на день остановившегося в чужом городе, эта увиденная им утварь, эти украшения, отстраненные прошедшими веками от давно умерших владельцев и ставшие лишь объектом науки? «Возвращаясь в гостиницу через город, город бедных людей, не имеющий, конечно, ни одного музея, думаю о той несправедливости, которая отнимает у народа его же сокровища и прячет их в сундуках у богачей за семью печатями и замками».

Вдали от родины, в увлечении Китаем, его не покидают мысли о своей стране, которая, он чувствует, находится накануне новых перемен: «По вечерам философствуем. Я много рассказывал Шаванну о русской литературе (в частности, о Леониде Андрееве). Только в России могут так писать. Я горд моим чудесным языком, я счастлив, что в моей стране растет нечто невероятно великолепное в умах ее лучших сынов... Скоро наступит переоценка всех ценностей. Слышины удары прибоя, прибоя новой жизни!»

Печатные работы В. М. Алексеева, начавшиеся с небольших заметок и сообщений, появляются с 1902 года. Они разнообразны, как разнообразны интересы ученого, с одинаковой заинтересованностью занимавшегося археологией, пумизматикой, фонетикой, фольклором, театром, народным искусством, народными религиями, идеологической мыслью, литературой Китая.

Почти каждая работа В. М. Алексеева являлась открытием в науке. Время и состояние синологии требовали открытий, подготовленность В. М. Алексеева как ученого, талантливость и деятель-

ность его натуры отвечали этим требованиям. Углубленность, искренность увлечения и в то же время всегда сохраняемый им объективный критический подход к предмету исследования характеризуют труды В. М. Алексеева. Нынешний исследователь китайской культуры, за что бы он ни взялся, в какой бы путь ни отправился, непременно близко или далеко встретит свет маяков, оставленных В. М. Алексеевым.

Народные верования в их преломлении через народное искусство в виде новогодней лубочной картинки привлекали В. М. Алексеева с самого начала его научной карьеры, что и отметилось в науке рядом статей, докладов, а через много лет, уже, к прискорбию, после смерти ученого, и выходом книги «Китайская народная картина». В исследовании В. М. Алексеевым конфуцианства, даосизма, буддизма, составляющих религиозные верования китайского народа, поражает не одна лишь глубина знаний ученого. Нас покоряет ясность атеистической мысли, вскрывающей природу любой религии, у воспитанного с детства в истовом православии и, значит, перевоспитавшего себя ученого, умевшего написать еще в 1910 году: «Что есть религия Китая? — Вряд ли она отличается от религий человечества по своему существу. Это та же боязнь грозной силы природы и темной силы воображения, паваждений, напастей, скорбей, зол и всякого лicha, ищащая возможности от них заслониться. Всякий способ является одинаково хорошим: заклинание бесов профессиональными фокусниками, приношения Будде, даосской Троице, сонмам духов всех специальностей, аллаху и, наконец, служение христианскому Богу и святым его».

В. М. Алексеев считал, что изучение религий Китая «является фундаментом для понимания и объяснения цивилизации и культуры этой страны», литература же для него «самый важный феномен этой цивилизации». Китайская культура В. М. Алексеевым формулируется «прежде всего, как конфуцианский универсальный комплекс, но затем и как буддийский инфильтрат, питающий своими соками не только китайский быт, но и, например, всю китайскую литературу, и, наконец, как культура даосская, без которой конфуцианство, очевидно, было бы лишь безжизненным педантизмом».

В. М. Алексеев выдвинул идею непрерывности китайской культуры, возникшую у него при изучении народной картины и затем все более утверждавшуюся. «Не может не поразить самая форма картин, их твердый отчетливый рисунок, результат, может быть, трех тысячелетий никогда не прерывавшейся традиции...» Все, с чем сталкивается он в Китае, все более убеждает его в правильности идеи.

Китайская литература — та область синологии, привязанность к которой у В. М. Алексеева была самой сильной и в которой он тоже прежде всего искал проявление жизни и судьбы народа. Вот почему обратился он кPu Сун-лину с его «рассказами о необычайном», опубликовав первый перевод из них в 1910 году, и, в продолжение четверти века после этого, выпустив четыре сборника и так сделав особенно популярным у нас китайского писателя XVII—XVIII веков. Обладая поражавшим его современников знанием китайского языка во всех его аспектах и китайской культуры в ее исторической протяженности, В. М. Алексеев видел зависимость развития литературы от степени развития общества и рассматривал китайскую литературу в ее связях с материальной и всей духовной культурой народа.

Обаяние литературоведческих исследований В. М. Алексеева — в их текстологической доказательности. В них ясность смелого ума, и глубина новаторской мысли, и сила обширных знаний ученого соединяются с тонкостью восприятия и мастерством поэта. Столь мощно выраженному сочетанию, пожалуй, в мировой науке примеров найдется немного!

Увлечение китайской народной картиной прошло через всю жизнь В. М. Алексеева. В народной картине ученый справедливо увидел отражение быта и верований китайцев. Работы В. М. Алексеева обогатили наши представления о сущности конфуцианства, буддизма и даосизма в тесном их сплетении на китайской почве.

В свете такого пристального внимания к китайской народной картине становится еще более понятным обращение В. М. Алексеева к рассказам Pu Сун-лина о чудесах, которые вполне могут рассматриваться и как некое сопровождение к этим картинам. Эти рассказы помогают увидеть и понять то, что происходило в Китае XVII—XVIII веков. Все сверхъестественное, все волшебное в них способствует или противоречит человеку именно тех времен, существовавшему в окружении той, до этнографичности точной действительности. Сам Pu Сун-лин в своих рассказах Liao Чжая любит подчеркнуть присущую им достоверность, привлекая в герои или в свидетели личности знакомые либо действовавшие в истории. Это друг его Van Юй-чи в рассказе «Грызет камни», современники его министр Хань Да-цянь в рассказе «Фонарь-пес» или губернатор Юй Чэн-лун в посвященных ему повествованиях. Это ученый и каллиграф VII века Чу Суй-лян, литератор и сановник XVI—XVII веков Ян Лянь и многие другие. Да и сами чудеса с непосредственными носителями их — лисами и духами — превратились у Liao Чжая в некое бытовое обрамление каждой дневной жизни.

При наличии полностью или частично воспроизведенных в настоящем издании прекрасных предисловий В. М. Алексеева к четырем сборникам его переводов — «Лисы чары» (1922), «Монахи-волшебники» (1923), «Странные истории» (1928), «Рассказы о людях необычайных» (1937) — нет необходимости характеризовать рассказы Liao Чжая. Скажем лишь, что естественная ограниченность китайского автора моральными представлениями времени никак не помешала той высокой нравственности, той человечности, какую отличаются его суждения. Герои Liao Чжая, как правило, бедны, и автор всегда сочувствует тому из них, кто, «съеденный бедностью до костей, сохраняет свою душу на неизменной высоте», всегда на стороне верного мужа и самоотверженной жены.

Мы вынуждены в какой-то мере повторить те необходимые сведения, которые были нами изложены в предисловии от составителя к изданию «Лисьих чар» 1970 года. В. М. Алексеев переводил «Рассказы Liao Чжая о чудесах» в продолжение ряда лет. В его распоряжении были все издания рассказов, а к глубокому знанию языка, культуры и верований китайского народа добавлялась возможность беседовать с китайскими учеными старого толка и просто читателями и слушателями этих волшебных историй. Во времена пребывания В. М. Алексеева в Китае на его глазах происходила демократизация творчества Pu Сун-лина — «перевод» старинного литературного текста на разговорный язык, превращение его в устный сказ, издание в одной и той же книге оригинала и «перевода». Процесс этот должен был повлиять на полноту осознания переводчиком как трудностей, стоявших перед ним, так и возможностей их преодоления.

В 1955 году, уже после кончины В. М. Алексеева, в Китае была опубликована найденная в 1948 году авторская рукопись «Рассказов Liao Чжая о чудесах». Рассказы Pu Сун-лина до первого ксиографического издания их в 1766 году расходились в списках. В 1962 году вышло в свет подготовленное Чжан Ю-хэ новое, трехтомное издание рассказов, в котором сведены воедино все комментарии и текст сверен с той частью рассказов, которая имеется в авторской рукописи.

На основе этого последнего китайского издания нами сделаны необходимые изменения в переводах В. М. Алексеева при неукоснительном следовании принципу строжайшего невмешательства в них. Мы самого высокого мнения об этих замечательных переводах, радующих нас языком и мыслью. Большой интерес и, мы бы сказали, наслаждение увидеть, с каким изяществом ищет и находит переводчик наиболее приемлемые соответствия для передачи духа выражений Liao Чжая. «Это, с вашего позволения, моя

жена», — говорит оказавшийся лисом старик в рассказе «Лис выдает дочь замуж». Иной раз переводчик, казалось бы, колеблется, — мы замечаем и это, — и в «Укротителе Ма Цзе-фу», желая, чтобы наш читатель, что называется, прикоснулся к тексту, пишет: «Перед ним лежала жена, краснея, как говорится, телом», — в рассказе же «Зеркало Фэн-сянь» то же самое переводит так, как видится это выражение привычному глазу китайского читателя: «Оба спавших... голые, выбежали».

Можно привести множество примеров огромного разнообразия в русском изложении всей прихотливости стиля волшебных историй Ляо Чжая. В переводах В. М. Алексеева особенно явственно также и полное проникновение в иероглифический, «зрелищный» текст. Так, например, в рассказе Ляо Чжая появляются люди, на которых надеты «э гуань», что означает (заглянем ли мы в толковый китайский словарь или в старый китайско-русский словарь Палладия) «высокие шапки». Но смысловую часть иероглифа «э» представляет гора, рисующая определенный образ читающему, и переводчик пишет: «В один миг появилось четыре или пять человек в высоких, горой стоящих шапках...» А как не отметить тонкость и тант в переводе однообразных (для русского читателя) заглавий, часто состоящих из одних имен! В этих случаях к имени В. М. Алексеев лишь добавляет характеризующее его определение или действие («Чародейка Лянь-сян», «Бай Цю-лянь любила стихи», «Невеста-монахиня Чэн Юнь-ци», «Неудачи честного Чжан Хунцзяня»).

Язык Ляо Чжая труден для понимания. Он требует от переводчика незаурядных знаний. Текст Ляо Чжая изобилует литературными и историческими реминисценциями, в которых подчас теряются не избегшие ошибок китайские комментаторы начала XIX века. В. М. Алексеев и сам отметил это обстоятельство в предисловии к «Рассказам о людях необычайных»: «Ляо Чжай обладал столь сильною ассоциативною памятью, что очень часто комментаторы, стараясь расшифровать его намек, в конце концов признают тщету своих усилий и заканчивают свои выписки стереотипною фразой: «Что же до слов (таких-то), то откуда они и как попали в текст, непонятно». Тем серьезнее заслуга нашего соотечественника, сумевшего совершенно передать изысканность китайского текста, глубину его и даже характерную ляочжаеву смесь из конфуцианской утонченной учености, канцелярских штампов и не всегда удобопроизносимых по своей откровенности слов.

Самостоятельную ценность имеет написанный В. М. Алексеевым комментарий к переводам рассказов. Это не просто примечания в виде лаконичной справки, нетерпеливо регистрирующей

смысл выражения или применение реалии. Здесь каждая статья представляет собою и исследование, и наблюдение, и, наконец, размышление, в которое вовлекается также читатель, потому что само по себе чтение Алексеевского комментария есть занятие интересное и даже захватывающее. В. М. Алексеев раскрывает Китай Ляо Чжая во многих подробностях, которые и не найдешь нигде больше и которые явились результатом не только поразительных знаний ученого, но и присущего острому его взгляду умения отметить самое характерное в увиденном. Все разъяснения В. М. Алексеева — ученого и очевидца — настолько увлекательны и, как правило, актуальны и поныне, что составитель сборника каждый раз с досадой (и стараясь делать это в интересах читателя как можно реже) позволял себе лишь самые необходимые сокращения, продиктованные запланированным объемом книги.

Настоящий сборник вместе с изданием «Лисьих чар» 1970 года вмещает в себя почти все опубликованное В. М. Алексеевым из «Рассказов Ляо Чжая о чудесах».

В предисловии от составителя к изданию 1970 года нами были изложены правила подготовки переводов В. М. Алексеева к печати, заключающиеся прежде всего в строгом сохранении текста. Напомним их. Примечания переводчика уточнены нами там, где потребовалось эти уточнения для нынешнего читателя, знающего о Китае неизмеримо больше, чем его предшественник двадцатых — тридцатых годов. Однако в переводе мы не тронули даже выглядящих в настоящее время странно «фута», «дюйма», «вершка», «ланы серебра» (в женском роде) и т. п. Мы сохранили и «пятьсот миллионов китайцев» (в предисловии к «Лисьим чарам»), что должно быть для нашего времени исправлено, уж по крайней мере, на семьсот пятьдесят, как должен быть исправлен, в согласии с последними научными данными, и год рождения Пу Сун-лина: автор «Рассказов Ляо Чжая о чудесах» родился в 1640 году, умер в 1715 году.

В заключение подчеркнем еще раз, что перевод рассказов Пу Сун-лина есть одно из важных звеньев во всей деятельности В. М. Алексеева, выдающегося советского ученого и литератора, много и плодотворно потрудившегося для духовной связи нашего и китайского народов.

Л. Эйдлин

СОДЕРЖАНИЕ

Л. Эйдли и н. Василий Михайлович Алексеев и его Ляо Чжай	3
---	---

ЛИСТЬЯ ЧАРЫ

Предисловие переводчика	13
Четвертая Ху	28
Товарищ пьяницы	34
Чародейка Лян-сян	38
Лисий сон	54
Красавица Цин-фэн	61
Лис-невидимка, Ху Четвертый	70
Злая тетушка Ху	77
Лисица в Фэнъчжу	81
Мужик	84
Студент Го и его учитель	87
Оживший Ван Лан	91
Плотник Фэн	96
Студент пьяница Цинь	99
Пара фонарей	101

МОНАХИ - ВОЛШЕБНИКИ

Из предисловия переводчика к сборнику «Монахи-волшебники»	107
Душа чанцинского хэшана	109
Превращения святого Чэна	112
Даос Цзой Яо-жу	121
Даос угощает	122

Шантаж	126
Волшебник Гун	131
Колдовство хэшана	140
Монахи-иностранцы	142
Бай Цю-лянь любила стихи	143
Нищий хэшан	154
Студент Чжуй и осел	156
Змеинный питомник	164
Сумасшедший даос	166
Хуань-нян у лотни	168
Жизнь Ло Цзу	176
Апельсинное дерево	179
Винный червяк	181
Грызет камни	183
Укрощение Цуй Мэна	184
Как он выгнал привидение	195
Мертвый хэшан	198
Исцеление Яи Да-хуна	200
Друг монахов, студент Ли	202
Бесовка Сяо-се	204

СТРАННЫЕ ИСТОРИИ

Предисловие переводчика	217
Хэн-нян о чарах любви	221
Чжэнь и его чудесный камень	227
Невеста-монахиня Чэнь Юнь-ци	231
Царица Чжэнь	244
Чудеса Второй Девочки	249
Проказы Сяо-цуй	256
Целительница Цзяо-но	267
Изгнаница Чан-э	277
Что видел пьяный Ван Цзы-ань	291
Вещая сваха Фэн Третья	295
Подвиги Синь Четырнадцатой	305

РАССКАЗЫ О ЛЮДЯХ НЕОБЫЧАЙНЫХ

Из предисловия переводчика к сборнику «Рассказы о людях необычайных»	323
Вероучение Белого Лотоса	328
Чан-тин и ее коварный отец	331

Пророчество о Четвертой Ху	341
Лис лезет в жбан	348
Чу Суй-лян в новой жизни	349
Гадалка на монетах	352
Неудачи честного Чжан Хун-цзяня	358
Храбрый студент из Чжэдуна	369
Продавец холста	371
Верховный святой	373
Линьцзыкий Шао неумолим	376
Хэцзяньский студент	378
Святой Хэ	380
Студент-вор Цзи	383
Сынок торговца	387
Пение лягушек	393
Ван Чэн и перепел	394
Мышиные спектакли	403
А-сю и ее двойник	404
Женя Син Цзы-и	413
Священный правитель	417
Услужливый Лу Я-гуань	419
Укротитель Ма Цзе-фу	423
Как вызывают духа танцем	435
Зеркало Фэн-сянь	438
Усмиряет лисицу	448
Бог града	450
Благодарная Сяо-мэй	452
Фокусы	462
Как Цзяо Мин грозил лисе	463
Шантаж (рассказ первый)	465
Шантаж (рассказ второй)	468
Фонарь-пес	471
Зеркалом слушает	473
Царевна заоблачных плющей	475
Дева-рыцарь	490
Человечек	498
Губернатор Юй Чэн-лун (рассказ первый)	499
Губернатор Юй Чэн-лун (рассказ второй)	501
Как он решил дело	503
Синьчжэнское дело	506
Комментарии	509

Пу Сун-лин.

П88 Рассказы Ляо Чжая о чудесах. В пер. с китайск. акад. В. М. Алексеева. Ил. китайск. худож. Предисл. к сб. и comment. В. М. Алексеева. Сост. и подготовка текста Л. З. Эйдлина. М., «Худож. лит.», 1973

576 с.

Знаменитый китайский писатель Пу Сун-лин (1640—1715) был человеком громадного поэтического таланта. Он был до тонкостей знаком с тайной китайского языка, начиная с самого древнего и кончая современным ему. Как писал академик В. М. Алексеев, Пу Сун-лин «воскресил язык, извлек его из амбаров учености и пустил в вихрь жизни простого мира».

Содержание его повестей вращается в кругу причудливого и сверхъестественного, но за чудесами стоит реальная жизнь, изображенная с виртуозностью и талантом, делающим его книги «подлинным литературным пиром для читателя».

7—3—4

И(Кит)

Py Sun-lin

РАССКАЗЫ ЛЯО ЧЖАЯ
О ЧУДЕСАХ

Редактор М. Климова

Художественный редактор
Ю. Коннов

Технический редактор
Л. Титова

Корректоры Р. Пунга
и Г. Цветкова

Сдано в набор 2/X 1972 г. Подписано
к печати 28/IV 1973 г. Бумага № 1
84×108 $\frac{1}{3}$, 18,0 печ. л. 30,24 усл. печ. л.
28,66 уч.-изд. л. Заказ 572. Тираж
100 000 экз. Цена 1 р. 19 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-78, Ново-Басманный, 19

Ордена Трудового Красного Знамени
Ленинградской типографии № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького
Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров
СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, Гатчинская, 26